

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Социальные основы стиля „Моления“ Даниила Заточника

Как бы мы ни смотрели на происхождение отдельных редакций „Моления“ Даниила Заточника, ясно одно: „Моление“ не только читалось и переписывалось — оно постоянно перерабатывалось, дополнялось, из него делались выборки,¹ оно жило, творилось в течение ряда веков. При этом удивительно следующее: всякий из его соавторов умел попадать в стиль „Моления“ и не расходиться с его идеологией. Вновь дописанное или переработанное почти не отличалось по своему характеру от основной части, точно стиль, в котором было написано „Моление“, был хорошо знаком всем, кто так или иначе „вмешивался“ в работу автора этого произведения. „Моление“ ценилось и за свою идейную направленность, и за свой стиль. Во всех редакциях оно оставалось тем же самым, отличалось выработанностью, устойчивостью формы. При чтении „Моления“ остается такое ощущение, точно оно написано в хорошо знакомой в древней Руси манере, продолжает какую-то традицию, тесно связанную с русской жизнью. Безвестные соавторы и „редакторы“ „Моления“ отлично ощущали тот стиль, ту манеру, ту идейную направленность, в которой было оно написано, ценили их и стремились их не нарушить. Это дает нам право в общей характеристике „Моления“ не различать особо отдельных редакций „Моления“, рассматривать их как схожие по стилю. Детали происхождения отдельных редакций, их хронологическая приуроченность, отдельные различия будут в дальнейшем для нас не существенны. Не существен будет для нас и вопрос о протографе „Моления“ и об авторе этого протографа. В нашем дальнейшем изложении мы условно берем памятник в целом и условно говорим о его авторе (вернее, следовало бы говорить о его „авторах“).

Было сделано несколько попыток определить ту социальную среду, к которой принадлежал автор „Моления“. Эти попытки приводили к внешне противоречивым результатам. Одни из исследователей считают его дворянином,² другие — дружинником князя,³ третьи — холопом,⁴ четвертые предполагают, что Даниил вообще не имел устойчивого

¹ Из не учтенных в науке выборок из „Моления“ укажем на выборки в рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: Кирилло-Белозерское собрание, № 27/1104, XVI в. (издается ниже, стр. 119).

² И. У. Будовниц. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника). Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951.

³ П. Миндалев. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

⁴ Н. К. Гудзий. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934.

социального положения.¹ И вместе с тем, несмотря на всю внешнюю противоречивость выводов о том, кем был автор „Моления“ по социальному происхождению, одно не представляет сомнений: автор „Моления“ принадлежал не к господствующим классам общества, а к зависимым. Он называет себя „холопом“. Называл ли он себя так в точном и узком значении этого слова, которое постоянно встречается в актовом материале древней Руси, или в более общем и более неопределенном значении „слуга“, „подданный“, „зависимый человек“, которое встречается по преимуществу в памятниках литературы, — всё равно, в этом слове автор „Моления“ подчеркнул свое невысокое социальное положение. Называет себя автор „Моления“ и „дворянином“ („всякому дворянину имети честь и милость у князя“),² но и эта его самохарактеристика не должна пониматься слишком буквально. Положение „дворянина“ для XII—XIII веков было не выше положения любого представителя княжеской двори. Многочисленные „редакторы“ „Моления“ постоянно подчеркивают только одно — зависимое, низкое положение Даниила, не уточняя этого положения никакими конкретными социальными определениями.

Однако, к какой бы категории зависимых людей ни принадлежал Даниил, одна черта выделяет его из всех: Даниил подчеркивает свою полную зависимость только от князя. Только в князе видит он возможный источник своего благополучия, только князя восхваляет, превозносит до небес. Это обстоятельство позволяет видеть в Данииле типичного княжеского „милостника“, которых особенно много было во Владимиро-Суздальской земле и которые как раз вербовались из самых различных категорий зависимых людей. Княжеские „милостники“ были и из холопов, и из крестьян, и из ремесленников, из разорившихся людей самых различных профессий. Это были люди часто пришлые, неустроенные в жизни, единственную свою надежду возлагавшие на князя, на его „милость“. Не случайно и самое слово „милость“, и обращение к этой „милости“ так часты в „Молении“. В дальнейшем мы увидим, что определение автора „Моления“ как княжеского „милостника“ имеет и другие основания.

Даниил сравнивает князя с весной, украшающей землю цветами,³ с рекой, наполняющей людей и зверей.⁴ Князь посылает тучу, грозу. Он так богат, что богатства его нельзя истощить, как чашею нельзя вычерпать море.⁵ Щедрый князь — отец слугам,⁶ он „заступник теплый“,⁷ он дает богатства и славу, как земля плод, как дерево „овощь“.⁸ К нему все приходят и „обретают от печали избавление“.⁹

В тоне этого панегирика только очень опытное ухо могло уловить элементы легкой иронии. Во всяком случае князь не был для Даниила Заточника ни фигурой священной, ни непогрешимой. Его отношение к князю определяется сравнениями из животного мира. Князь подобен орлу над птицами, осетру над рыбами, льву над зверями.¹⁰

¹ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947.

² Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. М., 1932, стр. 68.

³ Там же стр. 14.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 63.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 66.

Почему же князь для автора „Моления“ все-таки положительная фигура? Князь может своей властью вызволить зависимого человека из нищеты, поднять его по лестнице социальных отношений, защитить от произвола богатых.

Князь вместе с тем защитник родины от внешних врагов, и не случайно „Моление“ в одной из редакций заканчивается похвалой князю, соединенной с мольбой к богу о защите Руси от врагов: „Силу князю нашему укрепи; ленивые утверди; вложи ярость страшливым в сердце. Не дай же, господи, в полон земли нашей языком, незнающим бога, да не рекут иноплеменницы: «где есть бог их?». Бог же наш на небеси и на земли. Подай же им, господи, Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифово целомудрие, Соломону мудрость, Давидову кротость, умножи люди своя во веки под державою твоею, да ты славит вся страна и всяко дыхание человече“.¹

Мы знаем, что в XII и XIII веках княжеская власть пользовалась активной поддержкой зависимых слоев населения в ее борьбе с боярством. Так было в Галицко-Волынской земле и особенно во Владимиро-Суздальской.

Однако при всей „демократичности“ идейных позиций автора „Моления“ мы не стали бы называть их „народными“ в той же мере, в какой мы называем народными идейные позиции автора „Слова о полку Игореве“. Для этого позиции автора „Моления“ были связаны со слишком узкими, временными и местными задачами. Понятие Родины отнесено в его произведении на второй план. Его кругозор ограничен, и идеалы затемнены слишком личными интересами. Однако элементы народности несомненно присутствуют в „Молении“ — в его идейном содержании, как это мы увидим ниже, в его художественной основе. Обе эти стороны слиты в „Молении“ и представляют собой нерасторжимое единство. Но как в содержании „Моления“ его народность выступает в некотором ограничении, так и в его художественной основе она также отчасти ограничена.

Если автор „Слова о полку Игореве“ черпает свои художественные средства из народной лирики и народной исторической песни, то автор „Моления“ гораздо больше связан с поэзией профессиональных скоморохов. Это и не случайно. Автор „Моления“ „служит“ у князя, он и связан главным образом с этим своим положением у князя. Его идеология ограничена как раз этим его положением у князя. Он „зависимый“ человек не только юридически и материально, но до известной степени и идейно. Очень может быть, что именно этим обусловлена стилистическая связь его произведения с искусством той группы скоморохов, которая также принадлежала к числу княжеских „милостников“.

В дальнейшем мы обратим главное внимание на самую устойчивую сторону „Моления“ в его различных редакциях — на его стиль. Отдельные высказывания автора „Моления“ о своем положении слишком неопределенны для того, чтобы можно было с полной уверенностью решить, к какой категории зависимых людей он относится. Здесь много зависело от вставок, доработок и переделок, учесть которые за те почти пятьсот лет, которые отделяют время его создания от времени написания дошедших до нас списков, почти невозможно. Зато определенность стиля многое позволяет разгадать и в самой идейной сущ-

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 73 (редакция XIII в., Чудовский список; ср. Ундольский список и редакцию XII в. — списки Кирилло-Белозерский и др.).

ности этого произведения. Ведь стиль и идейная сторона произведения теснейшим образом взаимосвязаны. Между тем, стиль „Моления“ почти не изучался. Изучались „заимствования“, „параллели“, источники осведомленности его автора, но не стиль. Удивительнейшим образом не обратил на себя должного внимания исследователей „Моления“ юмор этого произведения, элементы пародийности, ирония. „Серьезность“ исследователей доходила до того, что они называли заимствованиями из псалмов то, что явилось их пародированием, видели в иронии серьезнейшие интонации и т. д.

В дальнейшем главным аргументом в пользу нашего определения социальных воззрений автора „Моления“ будет служить самый стиль „Моления“.

* * *

„Моление“ Даниила Заточника в своей образной системе больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII веков, опирается на явления русского быта.

Эти историко-бытовые черты в „Молении“ впервые были суммированы Д. В. Айналовым в его работе „Очерки и заметки по истории древнерусского искусства“.¹

Д. В. Айналов отмечает, что автор „Моления“ „очень ясно упоминает два строя полков: «на оступ» и «яко ловцы разсыпашася по земли». Эти два приема военной тактики, т. е. сражение строем и в рассыпную (конницы), хорошо известны из летописи, в которой встречается тот же термин «ступ», «оступишася» и из «Слова о полку Игореве»: «разсушась стрелами по чистому полю».

„В древнейших редакциях сообщаются некоторые сведения о железе, олове, меди. Примечательны термины: варить олово, искушать огнем золото, олово гинет (т. е. уменьшается в количестве от переплава), а железо нельзя варить. Из других бытовых терминов упомяну: углы опали (для старого деревянного строения термин, важный в том отношении, что «на углы» ставились как терема, так и деревянные храмы), солило (солонка), тенета, невод, кляпца (петля), собольи одеяла, мягкия постели, паволочито возглавие (т. е. шелковая длинная подушка для головы, известная по византийским и древнерусским живописным памятникам), небо полстяное и звезды лутовяныя (выражение, важное для описания украшений древних хоромов и палат, заслуживающее специального исследования). Такое выражение, как «долотити камень», указывает на знакомство с техникой обделки камня (впоследствии «выдолото» — инструмент долото — здесь является в таком же значении, как и «сечиво»). Ему известны: нога в лычнице и червлен сапог на боярском дворе, усерязь злат (золотая серьга), трость писца (книжника) скорописца (повидимому, в таком же значении, как и *κλάμος ταχυγράφος* в Византии). С другой стороны, только у Даниила Заточника находим наиболее точное определение паволоки: «паволока, испещрена многими шелки, красно лице являет». Слово «рай» он употребляет для обозначения фруктового сада вообще, а не библейского парадиза: «прекрасный рай многоплодовит». Он еще знает языческий «род» (и рожаницу?): «дети бегают рода, а господь пьяного человека». Ему известны румяна и зеркала, употребляемые женщинами. Наряду с такими выхваченными из жизни чертами быта особенного внимания заслуживают указания на гадание по псалтыри и на гусли,

¹ Известия ОРЯС АН, т. XIII, 1908, кн. I, стр. 352.

как на предмет очень знакомый Даниилу: «гусли бо строятся персты»¹

Замечательно, что все эти бытовые черты выхвачены автором „Моления“ из жизни не в порядке повествования (в этом случае летопись представила бы еще больше материалов из области русской жизни), а для построения сравнений, метафор, отдельных образов. Русский быт, при этом самый обыденный, проникает в поэтическую систему. В этом отношении „Моление“ представляет собой для XII—XIII веков явление из ряда вон выходящее. „Железо уваришь, а злы жены не научишь“;² „яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человек, приемля многия беды“;³ „злато съкрушается огнем, а человек напастыми; пшеница бо много мучима чист хлеб являеть, а в печали обретаеть человек ум свръшен“;⁴ „яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем“;⁵ „дивиа за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати“;⁶ „не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных“;⁷ „не огонь творить ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят“;⁸ „да не буду аки мех утел, роня богатство в руди неимущим; да не уподоблюся жерновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита“;⁹ „убогии же человек, аки древо при пути растет: мнози бо подсекают его и на огонь мечют“;¹⁰ „лутчи бо на необуздане коне ездити, нежели со злою женою жити“;¹¹ „не оперив стрелы, прямо не стрелити, ни леностию чести добыти“;¹² „лучше бы ми железо варити, нежели со злою женою быти“;¹³ „ни работа в работех под женами повозничати“.¹⁴

Откуда это обилие образов, взятых из различных трудовых профессий? Даниил говорит о литье железа, олова, золота, о выделке муки, ловле рыбы неводом, пастбе коней, сеянии жита, ковке железа, заготовке дров, стрельбе из лука, оперении стрел и повозничестве.

Очевидно, что это обилие образов, взятых из быта, из трудового быта народа, лежит в непосредственной связи с так остро и настойчиво декларированной Даниилом его принадлежностью к низшим слоям населения. Низкое положение Даниила на лестнице общественных отношений—это не только факт его личной жизни, оно определяет и его литературную позицию, самый стиль его произведения и его идеологию.

Даниил—не представитель того или иного определенного сословия, профессии. Он зависимый человек, представитель низших слоев общества. И это социальное положение его соответствует и его литературной позиции. Он вносит в литературу черты трудового быта, народной мудрости—„мирских притч“: „Не скот в скотех коза; ни

¹ Известия ОРЯС АН, т. XIII, 1908, кн. I, стр. 353—354.

² Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 31.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же, стр. 23—24.

⁸ Там же, стр. 25—26.

⁹ Там же, стр. 34.

¹⁰ Там же, стр. 41.

¹¹ Там же, стр. 46.

¹² Там же, стр. 68.

¹³ Там же, стр. 69.

¹⁴ Там же.

зверь в зверех ожь; ни рыба в рыбах рак; ни потка в потках нетопыр; не мужь в мужех, иже ким своя жена владееть“.¹

Наряду с бытовым словарем, с простой разговорной речью в „Моление“ Даниила властно вторгается и самый русский быт. И не случайно, что „Моление“ всегда привлекало внимание исследователей, изучавших быт и социальные отношения XII—XIII веков. „Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его, аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его, аки искры. Аще от огня устрезешися, но от искор не можеши устеречися и сождениа порт“,² — перед нами любопытная картина социальных отношений. „Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится большей работы“,³ „з добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть“.⁴ Даниил как бы щеголяет своей грубостью, нарочитой сниженностью стиля, не стесняясь бытового словаря. Не случайно в одной из редакций „Моление“ называется: „Слово о мирских притчах и о бытеевских вещех; подобно есть сему житие наше, и како ся в нем льстим“.⁵ Это были „простые“ речи „простого“ человека. Что-то было в них хорошо знакомое читателям и переписчикам, если можно было так легко входить в стиль этого произведения, дополняя его новыми вставками, почти не отличающимися от основного текста.

Прислушаемся к стилистической манере Даниила. Вот, например, самое начало произведения. Этим началом Даниил как бы зазывает к себе слушателей — именно слушателей, так как в его произведении отчетливо чувствуется непосредственное к ним обращение: „Въструбим, яко во златокovanja трубы, в разум ума своего и начнем бити в серебряныя органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани в псалтыри и в гуслах. Востану рано, исповем ти ся. Да разверзу в притчах гадания моя и провещаю в языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется в телеси красотю и мудростю“.⁶

Перед нами явная переделка псалмов 56 и 107,⁷ но переделка, выполненная отнюдь не в молитвенных целях.

За этим метафорическим вступлением еще Д. В. Айналов отметил черты реальной действительности. Псалтырь слишком явно сбивается на скоморошьи гусли. Д. В. Айналов писал: „Трубы, органы, свирели навеяны в «Слове» Даниила княжескими играми и их потехами, участником которых он был, сам ставши славным игроцом на гусях. Только таким пониманием приступа можно хорошо объяснить и следующую непосредственно за приступом фразу: «Востани слава моя (в) псалтыри и (в) гусях»“.⁸

Не об этих ли скоморошьих гусях идет речь и в дальнейшем: „Гусли бо страются персты, а тело основається жилами“; „гусли строятся персты, а град нашь твоею державою“.⁹

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 26.

² Там же, стр. 20—21.

³ Там же, стр. 19—20.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Ср. в псалме 56, стих. 9: „Востани славная моя, востани псалтыри и гусли“ или псалом 107, стихи 3—4: „Востани слава моя, востани псалтырю и гусли: востану рано. Исповемся тебе в людех, господи, пою тебе во языцех“.

⁷ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 4.

⁸ Д. В. Айналов. Два примечания к „Слову“ Даниила Заточника. Известия ОРЯС АН, т. XIII, 1908, кн. I, стр. 361.

⁹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 19, 66.

Из всех упоминаемых профессий именно скоморошьяй уделено в „Молении“ наибольшее внимание. „Яко орел, ин, воспад на отояр (фар?), бегае чреэ потрумие, отчаявса живота; а иный летае с церкви, или с высокие палаты, паволочиты крылы имея; а ин наг течеэ во огнь, показаше крест сердцеэ своих царем своим; а ин, прорезав лысты, обнажив кости голеней своих, кажет цареви своему, являет ему храбрость свою; а иный, (ск)очив, метаеэ вся в море со берега высока со отцем своим; отче, накрив о фаревы, ударяет по бедрам, глаголет сице: ту фенадрус! за честь и милость короля нашего отчаяхомся живота; а ин, привязав вервь ко кресту церковному, а другой конец к земным отнесет далече и с церкви по тому бегаеэ долов, единоу рукоу за конец верви той держит, а в другой руке держаще меч наг; а ин обвився мокрым полотном, боретса с лютым зверем“.¹

В „Молении“ обрацают на себя внимание постоянные зывания к щедрости князя, мольбы о подаянии. Если Даниил „заточник“, то он не молит о свободе; если он случайно попавший в опалу человек, то он не молит князя о восстановлении своего былого общественного положения. Единственное, о чем он молит князя с полной определенностью, — это о подаянии. И форма этой мольбы как бы вводит нас в обстановку пира: „И егда же веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуши; или пиешы сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пьюши“.² Он просит милости, вернее милостыни, у князя. „Но не възри на мя, господине, аки волк на ягна, но зри на мя, аки мати на младенец. Возри на птица небесныя, яко тии ни орють, ни сеють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жадаем милости твоя“.³ Мы — это, очевидно, целая категория зависимых от князя людей. Это не один „заточник“, якобы впавший в личную немилость. О немилости, собственно, и речи нет в „Молении“. Даниил, напротив, подчеркивает щедрость князя, зывает к его щедрости: „Тем же вопию к тебе, одержим нищетоу: помилуй мя, сыне великаго царя Владимирера, да не восплачюся рыдая, аки Адам рая; пусти тучю на землю художества моего“.⁴

„Господине мой! — зывает Даниил. — Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облак богата несмыслена“.⁵ Он просит не раздавать золото и серебро кому попало: „Псом бо и свиниям не надобе злато, ни сребро“.⁶ Он уверяет князя, что если бы не горькая нужда, он не стал бы просить его: „Аще бых украсти умел, то толко бых к тебе не скорбил“.⁷ На протяжении всего „Моления“ Даниил просит князя только о материальной милости — о золоте, серебре, о подачке с княжеского стола. „Княже мой, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимого ястреба, яко овца от уст лвов“;⁸ „Княже мой, господине! Все напихтаются от обилия дому твоего, аки потоком пища твоя; токмо аз един жадаю милости твоя, аки елень источника воднаго“.⁹

Из всех качеств князя больше всего привлекает Даниила щедрость. О ней-то постоянно и напоминает Даниил: „Князь щедр отець есть

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 21.

⁶ Там же, стр. 24.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Там же, стр. 12.

⁹ Там же, стр. 54.

слугам многим: мнози бо оставляють о(т)ца и мать, к нему прибегают“;¹ „князь щедр, аки река, текуща без берегов сквози дубравы, напяюще не токмо человеки, но и звери“.²

Даниил восхваляет богатства князя: „Княже мой, господине! Яко же море не наполняется, многи реки приемля, тако и дом твой не наполнится множеством богатства, приемля, зане руже твои, яко облак силен, взимая от моря воды, — от богатства дому твоего, труся в руже неимущих. Тем и аз в жадах милосердия твоего“ (разрядка наша, — Д. Л.).³

Даниил объясняет, что он явился к князю, рассчитывая на его щедрость: „Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох к обычной твоей любви“.⁴ Даниил, следовательно, пользуется „обычной“ любовью князя и находится при его дворе, а не пишет ему издалека.

По контрасту с богатством князя Даниил всячески подчеркивает свою нищету: „и покры мя нищета, аки Чермное море фараона“;⁵ Даниил, „аки трава блещена, растяще на застении, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет“, он „всяким обидим“,⁶ он „одеянием оскуден есмь“,⁷ для него „лучше смерть, ниже продолжен живот в нищете“.⁸ Даниил размышляет о том, как бы ему избыть нищеты. Эти размышления нарочито нелепы — жениться на „злообразной“, но богатой жене, украсть и т. д. Чем нелепее его проекты, тем безвыходнее кажется его положение.

Приглядевшись ближе к положению Даниила, взывающего к щедрости князя, мы заметим любопытные черточки в самой стилистической форме его просьб. Даниил не один; он сравнивает себя и своих товарищей с птицами небесными, которые „не орют, не сеют“: „И возри на птица небесныя, — обращается Даниил к князю, — яко тии ни орют, ни сеют, но уповают на милость божию; тако и у тебе, господине, желают милости твоей“.⁹ Даниил скитается, и где бы он ни находился — всюду ему плохо: „Кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне черней смолы; кому Лаче-озеро, а мне на нем седя плачь горкий; и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали; зане не процвите часть моя“.¹⁰ Даниил хвалит щедрость князя по отношению к пришельцам из других стран, и в этом опять-таки нельзя не усмотреть личного момента: „Воспоет, рече, ряп, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от инех стран совокупи, притекающая к тебе, ведуще твою обычную милость“.¹¹ Князь, следовательно, собирает не только слуг — своих домочадцев, но и слуг из других стран и на них распространяет свою „обычную милость“. В случае получения милости от князя Даниил обещает: „Да возвеселюся о царе своем, яко обретая корысть многу злата, воспою, яко напоен вина, возвеселюся, яко исполин тещи путь“.¹²

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 19.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 10.

⁹ Там же, стр. 39.

¹⁰ Там же, стр. 8.

¹¹ Там же, стр. 66—67.

¹² Там же, стр. 63.

В другом месте своего „Моления“ Даниил требует платы за свои „слова“, за свое „глаголанье“, за свой „ум“, который считает богатством. Описав различных слуг, увеселяющих королей и салтанов, Даниил говорит: „Ту бо остану много глаголати, да не во мнозе глаголаньи разношу ум свой и буду, яко мех утл, труся богатства, а в руке не имех, уподоблюся жернам, иже люди насыщают, а в себе не могут наполнити жита“.¹ Следовательно, князь своей щедростью должен оплатить его „многоглаголанье“, его „разнесение ума“ — очевидно остроуты, советы, „мудрость“. Далее Даниил сравнивает себя с птицей, „частящей песнями“. Близко познакомившийся при дворе князя с его скоморохами, Даниил как бы ставит себя в положение тех, кто получал „милости“ за увеселения князя, и, находясь в таком же положении, вводит в свой стиль элементы типично скоморошьих шуток: „дуть в утлу кадь“, „гоняться после шершня с метлою о крохи“, „скакать со столпа по горохово зерно“, „ездить верхом на свинье“ и т. д.

Балагурство Даниила особенно ярко проявляется там, где он рисует один из путей, которым ему придется пойти, если князь не избавит его от нищеты. Этот выход из нищеты — женитьба на богатой, но „злообразной“ жене. Тут всё пущено в ход Даниилом, чтобы поярче нарисовать свое семейное „счастье“ и тем посмешить и разжалобить князя. „Жена бо злообразна подобна перечесу: сюда свербит, сюде болит“.² Она „кривозорока, подобна черту, ртаста, челюста, злызычна“.³ В довершение всего Даниил представляет ее в наиболее смешном для нее положении: любующейся на себя в зеркало. „Видех жену злообразну, причинюще к зеркалу и мажущися румянцем, и рех ей: «Не зри в зеркало, видевше бо нелепоту лица своего, зане болшую печаль приимеши»“.⁴ Другая, не менее комическая сценка рисуется Даниилом с этой же безобразной женой. Она объясняется в любви не любящему ее мужу: „И рече мужу своему: «Господине мой и свете очию моею! Аз на тя не могу зрети: егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тела моего, и поничю на землю»“.⁵ Отсюда вывод: „Ту лепше ми вол бур вести в дом свой, неже зла жена поняти: вол бо ни молвити, ни зла мыслить; а зла жена бьема бесеться, а кротима выситя, в богатестве гордость приемлет, а в убожестве иных осужает“.⁶

Острословие Даниила носит признаки скоморошьего балагурства. Сюда могут быть отнесены многочисленные небылицы, которыми пересыпает свою речь Даниил. „Не едал бо есми от песка масла, а от козла млека, ни безумнаго мудрости глаголюща“;⁷ „ни мертвеца ро-смешити, ни безумнаго наказати“;⁸ „коли иметь свиния на белку лаяти, тогда безумный уму научитя“;⁹ „ни моря уполовнею вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити“;¹⁰ „не лепо у свинии в ноздрех расы златы, тако на холопе порты дороги“;¹¹ „аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черности и жжения“;¹² „кто

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 71, 72.

² Там же, стр. 69.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 29.

⁶ Там же, стр. 27—28.

⁷ Там же, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 67.

¹¹ Там же, стр. 60.

¹² Там же, стр. 60—61.

видал небо полстяно и звезды лутовяные, а безумных, мудрости глаголюща“;¹ „ни камень по воде плавает. Тако же ни псом, ни свиниям не надобно злато, ни безумным мудрья словеса. Ни мертвеца розсмешити, ни блуднаго наказати. Коли поженет синица орла, тогда безумный уму научитца. Яко же бо во утлу кадь дути, тако безумнаго наказати. Безумных бо ни сеют, ни орют, ни прядут, ни ткут, но сами ся ражают“;² „или речеша, княже, пострижися в чернцы. То не видал есмь мертвеца, на свинии ездячи, ни черта на бабе; не едал есмь от дубья смоквей, ни от липья стафиля“.³

Профессиональным скоморошеским юмором отзывают и переименования географических названий: „Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело-озеро, а мне чернее смолы, кому Лаче-озеро, а мне много плача исполнено“.⁴

Пользуется Даниил также и народными загадками, но опять-таки для того, чтобы посмешить, построить гротесковый образ. „Что два злеи в четвероногих, и что змии лютеи в ползущих по земли?“ — спрашивает Даниил и отвечает: „Всего того злеи зла жена“.⁵

Наличествуя в „Молении“ и следы рифм: „Лутче бы коему человеку изволи дом погрести, нежели злу жену в дом привести“,⁶ „зла бо жена ни учения слушает, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людей ся стыдит, но всех укоряет и всех осужает“.⁷ Скоморошье балагурство входит как часть в общую сниженную, нарочито грубоватую образность „Моления“. Здесь и „дерюга“, „лычен сапог“ (лапоть),⁸ „колбаса“,⁹ „жернов“,¹⁰ „утлая кадь“,¹¹ „уполовня“,¹² „пес“,¹³ „бурый вол“,¹⁴ „козел“, „дымная горесть“,¹⁵ „перечёс“¹⁶ и многое другое. Здесь и целые сценки того же грубоватого характера: „свинья с рясами золотыми в ноздрях“,¹⁷ „кривозорокая“ жена, ротастая, челюстастая, смотрящаяся в зеркало,¹⁸ чорт верхом на бабе,¹⁹ собачья драка за моклок,²⁰ погоня за шершнем с метлою²¹ и т. д.

Даниил довольно точно передает слова князя Андрея Владимировича Переяславского: „Леплее ми того смерть с своею дружиною на своей отчине и дедине, нежели Курьское княжение“.²² Даниил пишет: „Не дгал бо ми Ростислав“²³ князь: «Лепше бы ми смерть, ниже Кур-

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 67.

² Там же.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ Там же, стр. 32.

⁶ Там же, стр. 47.

⁷ Там же, стр. 31. П. Н. Берков справедливо видит здесь элементы будущего раянского стиха (Русская народная драма. Ред., вступ. статья и коммент. П. Н. Беркова, М., 1953, стр. 31).

⁸ Там же, стр. 85.

⁹ Там же, стр. 95.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 67.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 68.

¹⁴ Там же, стр. 27.

¹⁵ Там же, стр. 68.

¹⁶ Там же, стр. 69.

¹⁷ Там же, стр. 60.

¹⁸ Там же, стр. 27, 69.

¹⁹ Там же, стр. 70.

²⁰ Там же, стр. 68.

²¹ Там же.

²² Летописец Переславль-Суздальского. М., 1851, под 1139 г., стр. 54.

²³ Имя Ростислава (а в Копенгагенском списке имя Ярослава) заменило в дошедших до нас редакциях имя Андрея.

ское княжение»; тако же и мужеви: лепше смерть, ниже продолжен живот в нищети¹. Но точность передачи слов Андрея (подчеркнутая словами „не лгал бо ми...“) только маскирует насмешливую передачу смысла этих слов. Андрей ответил этими словами на предложение Всеволода Юрьевича Суздальского отступить от своей отчины, приняв взамен нее Курское княжество. Даниил придал этим словам Андрея другое значение: насмешливое по отношению к Курскому княжению. Курское княжение приравнено к жизни „в нищети“.

Тот же оттенок иронии приобретают под пером Даниила и слова псалмов в тех случаях, когда Даниил „снижает“ их значение, применяя их возвышенную и „духовную“ тему к своему положению просителя милостыни. Псалмопевец Давид обращается к богу: „Имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к тебе, боже“.² Даниил Заточник обращается к князю: „Токмо аз един жадаю милости твоя, аки елень источника воднаго“.³ В первом случае речь идет о стремлении души к богу, во втором — о стремлении Даниила получить „милость“ от своего князя.

Слово „господин“ заменило „господа“ псалмов здесь и во многих других случаях в „Молении“ Даниила: „Тем, господине, приклони ухо твое во глаголы уст моих и от всех скорбей моих избави мя“;⁴ „Княже мой, господине! Не возри на внешняя моя, но вонми внутренняя моя“.⁵ Даниил пародирует даже слова разбойника ко Христу. Он пишет: „Княже мой, господине! Помяни мя во княжении своем“.⁶ Церковное значение слова „раб“ (в смысле „раб божий“) Даниил обращает в буквальное юридическое понятие „раба“ — холопа. Он пишет: „Яко аз раб твоя и сын рабы твоя“, переиначивая слова псалма 65, стих 7: „О господи, аз раб твой, и сын рабыни твоя“. Библейские образы постоянно употребляются Даниилом всё с тем же оттенком легкой пародии. Этот оттенок пародии создается несоответствием грандиозности образа с тривиальностью и мелочностью того, к чему он применен: „и покры мя нищета, аки Чермное море фараона“;⁷ „се бежа от лица скудости моя, аки Агар рабыня от руки Сарры госпожа своя“.⁸ Не случайно Даниил, как мы уже отметили, начинает свое „Моление“, применяя к себе слова Давида-псалмопевца: „Востани слава моя, востани псалтыр и гусли. Да развергу в притчах гадания моя и провещаю во языцех славу мою“.⁹

Многочисленные соответствия „Моления“ в отдельных местах со „священным писанием“ давно были замечены исследователями. Эти соответствия рассматривались только в плане заимствований. Исследователи не обратили внимания на тот шуточный оттенок, который приобретали все эти выдержки из „священного писания“ под пером Даниила. Функции всех этих цитат заключались в том, чтобы выпросить милостыню у князя, а не милость у бога. Даниил шуткой выпрашивает у князя материальной помощи, а не в молитвенном горении обращается к богу о духовной помощи. В этой перемене функции всех этих цитат и заключен элемент комичности, заключена самая природа стиля

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 10.

² Псалом 41, стих 1.

³ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 54.

⁴ Там же, стр. 54; ср. псалом 85.

⁵ Там же, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 54.

⁷ Там же, стр. 53.

⁸ Там же, стр. 54.

⁹ Ср. цитации из псалмов 56 и 107 на стр. 4.

„Моления“. Шутливое самоунижение, которое чувствуется в этом переосмыслении цитат из „священного писания“, пронизывает собой „Моление“. Оно явственно ощущается и там, где он говорит о своей трусости, о своей нищете, о безвыходности своего положения, о том, что он сын раба и рабыни князя. Оно ощущается и там, где Даниил ставит себя в положение то вора, то мужа „злообразной“ жены и т. д. Оно ощущается и во всех преувеличениях силы князя, которые едва ли могли понравиться князю, если бы они были сказаны всерьез: „Лев рыкнет, кто не устрашит; а ты, княже, речеши, кто не убится. Яко же бо змии страшен свистанием своим, тако и ты, княже наш, грозен множеством вои“.¹

Одного только не отнимает у себя Даниил — ума. Отнять у себя право на ум — это значило бы отказаться и от права на остроумие, на юмор. Отсюда совершенно ясно, что многие из сообщаемых Даниилом о себе биографических сведений, жалобы на свои несчастья, на свое безденежье, трусость, на свою жену и пр. — строго соответствуют литературной позиции Даниила как юмориста, смешающего читателя, а может быть и зрителя, собой самим, своим положением, стремящегося выпросить у князя подаание, вызвать его на щедрость самоунижением и преувеличенными похвалами.

Эта литературная позиция Даниила и вовлекла в его стиль элементы скоморошьях прибауток, народного юмора бедняка, иронизирующего над своей судьбой, склонность обращать в шутку даже слова „священного писания“, украшать речь рифмой и т. д.

Однако с искусством скоморохов „Моление“ сближается не только своим шутливым тоном. Скоморохи развивали в своем репертуаре и сатирическую стихию народной поэзии, в течение всей эпохи феодализма направлявшуюся на обличение господствующего класса. Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, „под внешней маской княжеского «милостника», шуткой выпрашивающего у своего «господина» «милости», Даниил Заточник в «Молении» скрывает сатирические выпады и против богатых, противопоставленных беднякам, и против богатой «жены злообразной», и против друзей, которые «в напасти, аки врази обретаются»... Тиун и его рядовичи тоже попали под острый язык «заточника»... Даже «князь скуп» насмешливо изображается «аки река в брезех; а бреси камены — незле пити, ни коня напоити». Так с помощью неожиданных, но метких уничижительных сравнений, построенных на сугубо обыденных образах, «заточник» осуждает «немилостивых» представителей господствующего класса, делая их смешными в глазах читателя“.² Эта сторона „Моления“ подтверждает наше предположение о том, что Даниил Заточник вышел не из среды господствующего класса.

Как бы ни были сильны элементы скоморошья в „Молении“ Даниила Заточника, „Моление“ — не скоморошья речь, записанная писцом. Это не скоморошеское произведение в его целом. Оно только сохраняет налет скоморошьях прибауток, скоморошья искусства. Отбор сентенций и шуток как бы только корректируется привычкой к скоморошьям прибауткам. Книжные элементы в „Молении“ дают себя знать сильнее, чем в „Слове о полку Игореве“. Так, например, в „Слове“ природа по-фольклорному непосредственно вмешивается в жизнь лю-

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 66.

² В. П. Адрианова-Перетц. Сатирическая литература XVII века. Серия „Литературные памятники“, изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

дей, одухотворена, поэтизирована, а в „Молении“, согласно с христианскими воззрениями, лишь подает моральный пример. „Моление“ не чуждается книжных образов, отдельных книжных тем. „Моление“ произведение безусловно книжное и вместе в тем в известной мере возникшее на началах народного творчества.

Даниил — это своего рода „интеллигент“ древней Руси XII—XIII веков, „интеллигент“, принадлежащий к эксплуатируемым слоям общества.

„Кто бы ни был Даниил Заточник, — писал В. Г. Белинский, — можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей свое превосходство, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают ее со свету и, наконец уморивши, снова начинают хвалить“.¹

Даниил только учился у скоморохов, но сам он скоморохом не был. Вот почему юмор Даниила так близок к юмору народному и очень своеобразен. Сам по себе Даниил мог быть холопом, мог быть и дворянином, он мог просить князя не о подачке, а об избавлении из заточения. Вся его самохарактеристика и все упоминаемые им в его „Молении“ детали его биографии могли быть вполне реальными фактами. Важно, однако, что в своем „Молении“ Даниил отразил стиль представителей народного юмора — скоморохов. Вот почему „Моление“ вызывало к себе такой активный интерес у русских читателей, всё время дополнявших и переделывавших это произведение, но неизменно делавших это „в стиле“ самого „Моления“, безошибочно угадывавших его стиль, тип его юмора, бывшего у всех на виду, — юмора скomorошеского.

Холоп или дворянин, Даниил нашел средства отшутиться у князя, нашел привычный путь шуткой вымолить себе „милость“ в виде ли материальной поддержки, или прощения, он нашел его в той среде, которая была столь близка к народу и князю.

Искусство скоморохов в древней Руси вызывало подражание, о чем выразительно свидетельствует одно найденное Л. С. Шептаевым место в „Почении“, приписываемом Иоанну Златоустому: „Аще бо кто пустошник глумяся что изрече, тогда вси болма восмеются. Подобает бо злословного кощуника биюще отгнати, но зряще чудятся... друзии же мзды игроцом дают... не токмо дивятся зряще, но и словеса их изучили, да егда в пиру или инде где соберутся... все вещают: се глаголет он си скоморох или он си кощуник и игрец“.²

Кем бы Даниил ни был — холопом или „дворянином“ (в значении, свойственном XII—XIII векам), он во всяком случае вышел из низших слоев общества, принадлежа к тем его представителям, которые могут быть названы княжескими „милостниками“.

Если автор „Слова о полку Игореве“ мог быть дружинником или боярином, выражая тем не менее народную точку зрения, то Даниил ни тем, ни другим быть не мог. Отождествить свой стиль со стилем скomorошьим, заставить смеяться над собой, балагурить и выпрашивать у князя „ми-

¹ В. Г. Белинский. Русская народная поэзия. Отечественные записки, 1841, т. XIX, № 11, стр. 19—20.

² Л. С. Шептаев. Русский рашник XVII века. Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института, т. 87, 1949, стр. 36.

лости“ — не мог в это время ни представитель родовитого боярства, ни подлинный представитель народа — крестьянин-земледелец, ремесленник.

Даниил мог принадлежать только к той прослойке города, которая энергично поддерживала сильную княжескую власть. Скорее всего он был княжеским „милостником“. Именно здесь могли зародиться и общественные взгляды Даниила и самый стиль его „Моления“, вылившийся в скоморошье претворение книжных элементов, — стиль, стоящий на грани народного и книжного. Вместе с тем как княжеский „милостник“ он сблизился, конечно, не с теми скоморохами, которые развлекали народ и были подлинными представителями народного искусства, а с теми, которые развлекали князя и его приближенных, смещиваясь с толпой тех же княжеских „милостников“ при дворе князя. Княжеские скоморохи принадлежали к княжеским „милостникам“, к ним принадлежал и Даниил. Вот почему „Моление“, воплотив в себе отдельные народные элементы, не стало произведением подлинно народным, отражающим интересы всего народа, подобно тому как отражало эти интересы „Слово о полку Игореве“.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывок из „Моления Даниила Заточника“¹

(По рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, „Кирилло-Белозерское собрание, № 27/1104, XVI в., полуустав, лл. 271 об.—273)

Богат мужъ вездѣ знаемъ есть, и на чужои странѣ вотчина ему есть и друзи есть. Убог муж и во своем граде ненавижимъ есть. Богат мужъ възглаголетъ и вси умолкнут, и умна его нарекут, и слово его превознесут, а убогнѣ възглаголитъ и вси на нь кликнут, гла(голя)ще:² „что безумнѣ вѣщаеши без ума“. Их же убо ризы свѣтлы, и тѣхъ и рѣчь честна. Богату мужу лицѣ цветет, зане же веселіе в дому его есть, а убогу мужу лице дряхло, понеже печаль в дому его есть. Лучше убогу мужу смерть, нежели предолгъ живот его в видетѣ. Люто есть убо жати, но горяче того злом добывати. Суетенъ есть человекъ, иж наслѣдитъ здѣ богатство, а тамо хочеть съ Христомъ царьствовати. Олны милостиву быти к нищим, и раздавати имѣние свое убогим и странним, и купити царство небесное. Добро сытому обѣда ждати, а праведному смерти. Ни мертвеца расмѣшити, ни безумнаго наказати. Псом и свиньям не надобе злато, ни сребро, — ни безумному мудрая словеса. Не море топит, но вѣтри — не³ сам князь въ злу веждъ впадаетъ, но вводить его думцы. Богат, а без ума, как паволочято зголовиѣ соломы набито, — а убогий муж мудръ, как злато зерно в калнѣ судиѣ. Горе тебе граду, в нем же царство юно: бояря твои рано пинот и ярят. Тот градъ есть душа, а царь юнъ — умъ, бояря же — помыслы. Да аще будетъ умъ лихъ, то горе души и телу.

¹ Отрывок печатается с расстановкой знаков препинания по правилам современной орфографии. Буква „ук“ заменяется современной буквой „у“. Разделение на слова наше.

² В рукописи глаше.

³ В рукописи но.